

**Артем
КУЛЯБИН**

г. Сокол, Вологодская область

Открытая душа
(стихотворения Сергея Чухина)

На фотографиях не стареют. Ни учёные, ни инженеры, ни поэты. Впрочем, поэты и в жизни нечасто стареют. Особенно большие, особенно русские. Воистину

*Горька судьба поэтов всех племён,
Тяжеле всех судьба казнит Россию.*

Судьба поставила точку на жизненном пути русского поэта Сергея Чухина, когда ему едва исполнилось сорок. Говорят, подвело слабое зрение: сделал роковой шаг к сбившей его машине. Да, он и сейчас со многих фотографий из прошлого двадцатого столетия смотрит на нас в очках. Но ведь было у него и другое – поэтическое – зрение. Главное для художника слова. И тут не упрекнёшь Чухина в близорукости. Он замечает то малое, через которое иные обыватели попросту перешагивают. Он естествен, без какой-либо надуманности или вычурности. Только так добрые порывы души становятся стихами:

*Работай, друг мой,
Душою чист,
Один проходи
Науку.
По праву руку –
Бумаги лист.
А сердце –
По леву руку.*

«...Как непросто быть самим собой»

Критики смотрят на Сергея Чухина по-разному. Одни считают его несамостоятельным, другие – недооценённым. Так, по мнению Виктора Баранкова, Чухин не сумел обрести собственную поэтическую стезю. Иная точка зрения у Вадима Деметьева, который отмечает: «Он как поэт и сегодня недооценён, а те, кто открывает его стихи, удивляются: как же так, мы, оказывается, Чухина и не знали». Нет нужды повторять другие многочисленные вариации этих мнений. Практически с первых серьёзных публикаций поэта критика стала искать и находить в Чухине Рубцова. Начались разговоры о влиянии. Насколько они состоятельны? И в какой же разряд всё же определить Чухина: к несамостоятельным или к недооценённым?

Влияние – понятие очень объёмное. От заурядного подражания до преемственности традиций, духовного воздействия – дистанция огромного размера, как от повторения уже созданного до самостоятельного продолжения его на новом творческом уровне. Многие поэты начинали с подражания, и, вероятно, Чухин – не исключение. От чужого отталкиваются, чтобы найти своё. Талантливые рано или поздно обретают собственный голос. Тут можно вспомнить Пушкина: «Талант неволен, и его подражание <...> – благородная надежда на свои собственные силы, надежда открыть новые миры, стремясь по следам гения...»

Так испытывал ли талант влияние гения? Конечно. К слову сказать, и Рубцов, и Чухин понимали это. Рубцов, по воспоминаниям современников, без снисхождения относился к подражательности Чухина. Сам Чухин спустя годы признавался:

*Наша юность росла
Под рубцовой звездой полевой,
Что светила призывно
Для вечноблуждающих нас.*

Да, рубцовская муза оказалась близка многим его современникам. Не случайно, вероятно, появилось даже понятие «рубцовой плеяды», которую составили поэты, близкие по мироощущению, тематике, художественным приоритетам. Некоторые из этих авторов прошли сходный жизненный путь. Для них, «вечноблуждающих», Рубцов играл роль духовного лидера, его звезда оказалась ярче других, в его лирике наиболее полно и завершено отразились духовные искания поэтов «плеяды». Однако оставаться в тени Рубцова – незавидная доля. И Чухин, конечно, это осознавал. Но обретение собственного голоса – сложный процесс:

*Но как непросто
Быть самим собой...*

Так всё-таки сумел ли Чухин преодолеть влияние? Критик Василий Оботуров, зорко следивший за становлением поэта, отвечал на этот вопрос утвердительно. Если в 1977 году он отмечал, что Чухин идёт по пути преодоления рубцовского влияния, то спустя десятилетие констатировал, что поэту это удалось сделать. Такого же мнения придерживаются многие друзья поэта. Александр Романов, вспоминая совместное выступление Рубцова и Чухина в городе Харовске, так определил разность этих авторов: «Если от Рубцова исходила тайна, то от Чухина – ясность русской души...» В этой ясности, открытости – весь Чухин.

«Настроив душу на добро...»

Наверное, русская земля должна была дать миру нового поэта в победном 45-м, первой послевоенной осенью. Поэта, который будет ценить неповторимость жизни, труд хлебопашца и любовь к природе. Под Вологдой, где появился на свет Сергей Чухин, боёв не было, но поредело деревни, и память о войне не успела далеко уйти от поколения поэта:

*Минули нас лихие времена,
Нам жить не довелось на белом свете,
Когда дымами стлалась по планете
Та, мировая, горькая война...
Минули нас лихие времена.
О только бы не омрачились эти!*

Стихов о войне у Чухина немного. В них судьба человека: ветерана, у которого война отняла жену и сына, вдовы, которая надеялась, но не дождалась... Один в задумчивости курит ночью самосад, другая смотрит из окна на онемелую дорогу. Все эти горькие и долго не заживающие раны войны поэт, конечно, видел. А что не видел, узнал после:

*Это мне потом известно стало
Про послевоенную беду,
Что в деревне хлеба не хватало,
Что в деревне ели лебеду.*

Звенюм, связующим прошлое с настоящим, для Чухина, как и многих других «тихих» лириков, является родина:

*Ты же с предками связан
Не просто незримою нитью,
А дорогой на родину,
Родиною самой.*

К ней, к родине, он привязан, «как птица к небу», «как пахарь к полю». На почти риторический вопрос – очевидный для Чухина ответ:

*Но куда от родины уйдёшь?
Разве в землю родины – не дальше.*

Родина у поэта – скромные в своей неброской красоте северные места: с деревнями по берегам рек, с неповторимым запахом свеженакотых дров или свежескошенного сена, с доброжелательными стариками и старушками. Родина – исток, откуда человек, как оперившийся птенец, начинает свой путь-полёт.

...Путь в литературу для Чухина, как и для многих других авторов, начался с районной газеты. Газета «Маяк» стала на самом деле маяком для начинающего поэта. В ней и поныне бережно хранят память о поэте. Потом был «Вологодский комсомолец», другие региональные и столичные издания...

В жизненном и творческом развитии Чухина трудно найти что-то необычное: родился в семье сельских учителей, поступил на филологический факультет пединститута, затем перешёл в Литинститут, работал в районной и областной га-

зетах... При жизни выпустил шесть поэтических сборников: «Горница» (1968), «Дни покоя» (1973), «Дым разлуки» (1974), «Осенний перелёт» (1979), «Ноль часов» (1980) и «Стихотворения» (1982).

Василий Оботуров точно определил характер творческого дарования Чухина, назвав поэта «лириком, склонным к созерцательности, элегической грусти». Уже с первых сборников была заметна эта созерцательность. Увидеть в природе родственное человеческой душе – для Чухина естественное стремление:

*Настроив душу на добро,
На чистоту лесной берёсты,
Понять природу так же просто,
Как птице обронить перо...*

Поэт обезоруживает своей безыскусностью, открытостью, никогда не прячась за витиеватой стихотворной строкой, не давая читателю повода усомниться в его искренности. Чухин говорит без напряжения, хотя мы догадываемся о напряжённой работе души. Кажется, о ней, о душе, поэт беспокоится больше всего, постоянно переживая,

*Чтобы живу душу не заткали
Сытого довольства пауки.*

Может показаться, что чухинская созерцательность лишь в пейзажных зарисовках: талантливо созданных картинках природы с нескончаемыми дождями, парящими в вышине птицами, последними листьями на деревьях и т.д. Но это не просто любование природой, не взгляд стороннего наблюдателя, а попытка рассмотреть и осмыслить самую суть, узнать «чего никто не знает».

Создаётся впечатление, что Чухин сознательно отказывается от эффектных художественных приёмов, словно боясь красоты, ненатуральности. Его влечёт тишина, поэзия без спецэффектов. Размеренность классического стиха остаётся стилиевой доминантой лирики Чухина.

Но это отнюдь не означает, что поэт прозаичен, скуп на эмоции (напротив, подчас прорываются в его стихах восклицания-признания: «До чего хорошо на земле!»). Эпитеты поэта зримы, неожиданны: «ясноколючий снег», «пустопорожные обиды», «поёживающийся сосняк», «сиюминутные стрижи», «дождь, по-комариному попискивающий». Чухин (в отличие, например, от Рубцова) чаще прибегает к разговорной речи, что делает некоторые его стихи более приземлёнными, но не уходящими целиком в бытовую плоскость. Не чужды Чухину (хотя и не характерны для него) настроения

весёлого озорства, даже бесшабашности («Николай Иванович, Колюня...», «Художнику Михаилу Брагину» и др.). Заметно выделяются в творчестве поэта немногочисленные иронические стихи («Сближаем страны и заводы», «С утра на льду торчит тулуп», «Не сажают в городе цветы», «Иронические строки», «Трактор прёт по реке», «Шоссе районного значенья» и др.), слегка приоткрывающие иную грань поэтического таланта Чухина.

«Подпеваю тихо, как умею...»

Самуил Маршак, как-то рассуждая об одном молодом авторе, обмолвился: «Он должен верить в свои силы – без этого невозможно писать...» Читая Чухина, кажется, что ему не хватало этой самой уверенности:

*...И живу неплохо, как умею...
Только много ли умею я?*

Или:

*...Подпеваю тихо, как умею,
Забывая дни больших обид...*

Что стоит за такими признаниями: подчёркнутая скромность, ограниченность творческого мышления или что-то другое? Рубцов к недостаткам первой чухинской книжки относил то, что в ней «узок еще круг настроений, переживаний, раздумий, картин. Иначе говоря, узок еще круг поэтических тем, еще не отличаются они, эти темы, глубиной и силой». Впоследствии эта мысль получит продолжение во многих рецензиях и критических статьях. «В целом С. Чухин не выходил из тесных, раз и навсегда выбранных рамок лирической темы и лирического сюжета», – отмечает Виктор Бараков. Одна за другой появлялись книжки, увеличивался их объём, и читатель уже имел полное право спросить: «А что там, за оклицей? Когда закончится дождь и догорят, наконец, плахи в печи?» Но дождь всё шёл, а плахи не догорали... Из одного стихотворения в другое переходят знакомые сюжеты, сходные образы, одинаковые мотивы, исчезающее настроение тихой печали, нежной грусти.

*Уеду в бор
И встану под сосну,
Как верующий
Под благословенье ...
(«Лепечет дождь...»)*

*Постою у тёплых сосен сада,
Он полдневной напоён смолой...
(«Подвигаюсь к вечному порогу»)*

*В тишине прохладной, просмолённой
Пошатаюсь, как удельный князь...
(«Небеса с одной-единой точкой»)*

Или:

*Голубыми глазами младенца
Нам вослед незабудки глядят...
(«Ах, опять на равнинах безбрежных»)*

*Ну что ты, ну что ты, ну что ты
Младенчески в душу глядишь...
(«За озеро кануло солнце»)*

Подобных примеров множество. Спору нет: нежная грусть – чувство трогательное. И у Чухина оно выражено умело. Но подчас нежность граничит с сентиментальностью, даже слащавостью. И в таких случаях текст рискует приобрести нежелательные смыслы и, следовательно, восприниматься по-другому. Например, в стихотворении «Средь недописанных строчек» автор пишет о совести как о чём-то конкретном, очеловеченном: «сжалась в комочек», «порезала пальчик»... Читателю сложно всё это представить, образ размывается. В других стихах Чухин пишет о былинке, кузнечике, комаре, муравье, который «на дыбки поднялся по-медвежьи». Пишет со свойственной ему проникновенностью. Но опять же слишком уж миниатюрным оказывается мир поэта. По этому поводу молодой московский критик Марина Князева в рецензии на «Дни покоя» довольно резко заметила: «Изображение «сфинкса природы», взятого вне живых, требующих разрешения проблем, становится рисованием тех мелочных картинок, в которое превратился сборник «Дни покоя». Конечно, подобные оценки из разряда полемических перекрёстов едва ли могут всесторонне отражать особенности чухинской лирики, но и другие читатели, старшие товарищи по вологодскому писательскому цеху не раз призывали поэта не размениваться по мелочам, «говорить о сущем» и т.д. Может быть, Чухину недоставало масштаба, поэтической дерзости, чтобы объёмнее запечатлеть мир и себя в этом мире?..

«Средь недописанных строчек»

Поэтическая судьба зависит от многих, в том числе – и нелитературных, факторов. Кто знает, какой бы она сложилась у Чухина, не будь в ней Рубцова. Предсказывать в таких случаях – неблагодарный труд. Формирование поэта – дело сложное, зачастую не подвластное уму. Комучто, для того чтобы стать зрелым поэтом (достичь своей верхней планки в творчестве), требуется пять лет, кому-то – двадцать пять. Посмертные сборники Чухина («Придорожные камни», 1988 и «Бесконечный путь», 2000) отчасти подтверждают мысль о нереализованных возможностях поэта. Вероятно, Чухин и сам чувствовал необходимость определённых перемен в творчестве:

*Наверное, сроки приспели
Своё назначение понять
И, песен меняя припевы,
Попробовать песни менять.*

В сборник «Бесконечный путь», например, включено стихотворение «Открыта новая орбита», настолько не похожее на всё прежнее творчество Чухина, что впору усомниться в его авторстве. Здесь вместо знакомых читателю спокойных деревенских картин грозные веи кровавого XX столетия. В текст врывается публицистическая страстность:

*О Родина! Куда идёшь?
Идёшь без кормчего, без веры?
Какую цену назовёшь
Во искупленье этой скверны?
Неужто милая земля
Насущный хлеб родить устала
И существует только для
Правительственного пьедестала?
Неужто нету силы той,
Которая без разговору
Перечеркнёт прямой чертой
Бюрократическую свору!..*

...Чухин сумел выйти на собственную поэтическую дорогу, хотя путь этот оказался коротким. Творческое наследие Чухина невелико по размерам (поэт называл свою музу «редкогостящей»), но его лирика – голос незлобной и открытой души – пришла к сердцу читателя, чтобы навсегда в нём остаться. Мы не знаем, что бы стало с Чухиным, проживи он дольше. Поэзия, как стихия, развивается по своим законам:

*Прославит нас или унизит,
Но всё равно возьмёт своё.
И не она от нас зависит,
А мы зависим от неё.*

В унисон этим рубцовским строкам звучат чухинские:

*И все же мир природы вечен,
И верю я, что в крайний час
Не мы его очеловечим,
А он очеловечит нас.*

Слово и природа – две непреходящие ценности, сопровождающие человека от колыбели до могилы. Две стихии, которые невозможно остановить. И поэтам дано это почувствовать на себе сильнее, чем остальным.

Гении и таланты неповторимы.

Литература

1. Бараков В.Н. Чувство земли. – Москва-Вологда, 1997.
2. Дементьев В. Смотря на старый снимок. // Литературная Россия. – 2006. – 20 января.
3. Князева Марина. С чем приходят в страну поэзию. // Юность. – 1976. – №1.
4. Кюхельбекер В.К. Сочинения. Т.1. Лирика и поэмы. – Л. – 1939.
5. Маршак С.Я. О молодых поэтах. // Маршак С.Я. Собрание сочинений в 8 т. Т.6. – М. – 1971.

6. Оботуров В. Сергей Чухин. // Оботуров В. День поэзии. – М. – 1988.
7. Оботуров В.А. Степень родства. – М. 1977.
8. Романов А.А. Искры памяти. – Вологда. – 1995.
9. Рубцов Н.М. Собрание сочинений в 3 т. – Т.3. – М. – 2000.
10. Русские писатели о литературе. – Т.1. – М. – 1939.
11. Чухин С. В. Дни покоя. – М. – 1973.
12. Чухин С. В. Горница. – Архангельск. – 1968.
13. Чухин С.В. Бесконечный путь. – Вологда. – 2000.
14. Чухин С.В. До последнего дня. // Воспоминания о Николае Рубцове. – Вологда. – 1994.
15. Чухин С.В. Дым разлуки. – Вологда. – 1974.
16. Чухин С.В. Ноль часов. – М. – 1980.
17. Чухин С.В. Осенний перелёт. – Архангельск. – 1979.
18. Чухин С.В. Придорожные камни. – Архангельск. – 1988.
19. Чухин С.В. Стихотворения. – Архангельск. – 1982.

Артем Михайлович КУЛЯБИН

родился в 1983 году.

Окончил филологический факультет

Вологодского государственного педагогического университета,

аспирантуру при кафедре литературы ВГПУ.

Кандидат филологических наук.

Сфера научных и творческих интересов — литературный процесс

и публицистика периода Великой Отечественной войны,

литературное краеведение.

Публиковался в газете «Российский писатель»,

журналах «Вологодский лад», «Север»,

других периодических изданиях.

Живёт и работает в городе Соколе Вологодской области.

